

Ю.Б. Сериков

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле)
Красновардейская ул., 57, Нижний Тагил, 622031, РФ
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАКОВИН В КУЛЬТОВОЙ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Освещается один из аспектов символической деятельности древнего человека, связанный с использованием редкой разновидности природного сырья. Будучи сырьем ярким и необычным, раковины уже с глубокой древности служили материалом для изготовления различных украшений: бус и подвесок. На Урале подобные изделия бытовали с начала верхнего палеолита до современности. Очень редко раковины применялись в качестве гребенчатых штампов, скребков и емкостей для красок. Окаменевшие раковины в силу своей редкости и необычности также использовались в символической деятельности и могли служить амулетами, культовыми символами, коммуникативными знаками.

Ключевые слова: раковина, окаменевшая раковина, украшения, символическая деятельность.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-030-037

Осваивая окружающую среду, древнее население в своей хозяйственной деятельности использовало разнообразные виды природного сырья. Это были прежде всего горные породы, минералы, кости, рога и зубы животных, древесина. С появлением неутилитарной деятельности человек стал применять и более экзотические разновидности сырья: кристаллы, скорлупу яиц, раковины моллюсков, окаменелости.

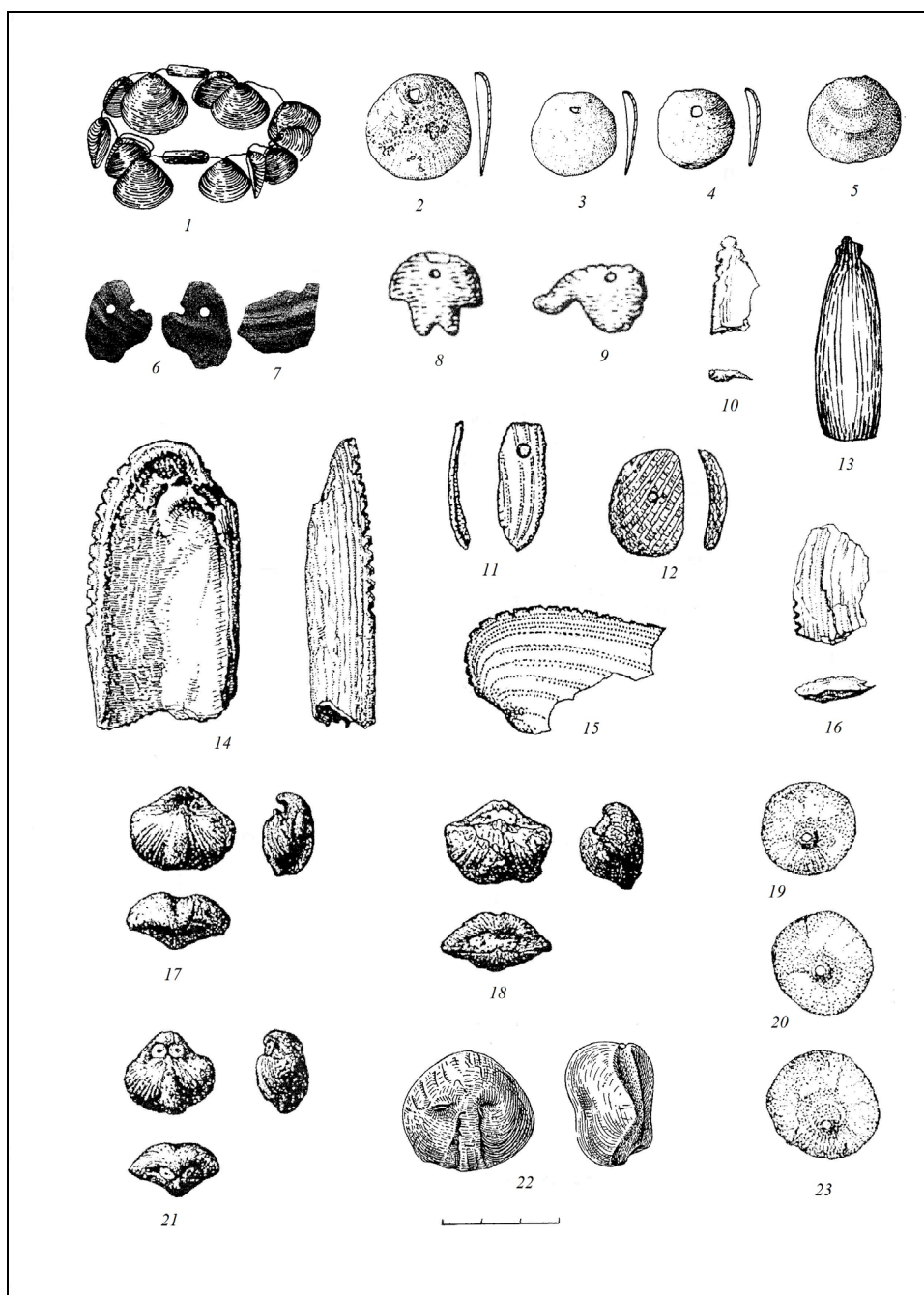
Уже с глубоких времен раковины использовались древним населением для изготовления украшений. Древнейшие бусы из раковин происходят из африканских пещер Грот де Пижон (82 тыс. л.н.), Бломбос Кэйв (78–75 тыс. л.н.) и Сибуду (71 тыс. л.н.). В пещере Кзар-Акил (Юго-Восточная Европа) обнаружены бусины и подвески из раковин морских моллюсков возрастом около 43 тыс. лет. Такие же украшения зафиксированы в пещере Учагизли в Турции. Их возраст составляет 41–39 тыс. лет [Деревянко, Рыбин, 2005, с. 252]. Еще позже (35–30 тыс. л.н.) датируются украшения из раковин на европейских стоянках Арси-сюр-Кюр (Франция), Абри Пато (Франция), Виллендорф (Австрия) [Демещенко, 2005, с. 9–12].

На территории России бусы и подвески из раковин зафиксированы на позднепалеолитических стоянках Костенки 1, 4, 14, 17, Дубовая балка и др. [Рогачев, Аникович, 1984, с. 228; рис. 98, 1–8, 10; 104, 18]. Иногда их количество превышает десятки экземпляров — в комплексе Костенок 4 найдено свыше сотни просверленных раковин пресноводного моллюска [Рогачев, 1940, с. 37].

Широко использовались раковины и в последующие археологические эпохи. Уникальным памятником является неолитическая мастерская по изготовлению подвесок из морских раковин Didachna, исследованная у мыса Куба-Тенгир (Северный Туркменистан) [Окладников, 1949, с. 69–70]. Украшения из этой мастерской могли расходиться на значительной территории [Виноградов, 1955, с. 135–139]. Часто бусы и подвески из раковин присутствуют в могильниках неолита, энеолита и бронзового века [Зах и др., 1991, с. 16–19; Кирюшин и др., 2000, с. 13, рис. 15; Молодин, 2001, с. 17, 37, 71, 102; рис. 10, 2; 22, 4, 6–8, 10; 29, 1; 52, 1–21, 23, 24; Кунгурова, 2005, с. 33; Лбова и др., 2008, с. 38; рис. 18, 4; 21, 1, 4; 62, 1, 5, 6]. В Серовском могильнике только в одном погребении (№ 18) найдено около 100 перламутровых круглых бусин [Окладников, 1976, с. 72–75; рис. 48, 49; табл. 98]. В могильнике Сопка-2 (Новосибирская обл.) для изготовления бус, подвесок и пронизок использовались четыре вида раковин (рис., 1–5) [Молодин, 2001, с. 102], а в могильнике Тузовские Бугры 1 на Алтае — пять разных подвидов раковин [Кирюшин и др., 2011, с. 105–114, рис. 6]. Кроме бус и подвесок в могильниках Прикамья III–V вв. известны и более сложные изделия из раковин типа крупных блях, которые использовались в качестве поясных украшений. Иногда бляхи из раковин дополнялись бронзовыми накладками и украшались орнаментом. Для изготовления блях, подвесок и бус в это время применялись ра-

Использование раковин в культовой и хозяйственной практике древнего населения

ковины Turbinidae [Ясаков, 2016, с. 149–152]. Эти крупные закрученные раковины с ярким перламутром внутри встречаются только в теплых водах Индийского и Тихого океанов.

Рис. Изделия из раковин перламутровых (1–16) и окаменевших (17–23):

1–5 — подвески из могильника Сопка-2; 6, 7 — подвески со стоянки Заозерье; 8, 9 — фигурные подвески из могильника у с. Съезжее; 10–12 — подвески с поселения Муллино; 13 — подвеска с I Береговой стоянки Горбуновского торфяника; 14–16 — штампы с поселения Муллино; 17, 18, 21 — изображение сов с поселения Муллино; 19, 20, 23 — подвески со стоянки Володары; 22 — «личина» со стоянки Костенки I).

На Урале использование раковин для украшений также начинается в эпоху палеолита. В раннем (35–33 тыс. л.н.) комплексе стоянки Заозерье (р. Чусовая, Пермский край) обнаружены две подвески, вырезанные из раковин *Unio*. На овальной подвеске сохранилось два расположенных рядом отверстия (рис., 6, 7) [Павлов, 2009, с. 9–11]. В культурном слое Каповой пещеры

(Башкортостан) с древними рисунками возрастом 16–14 тыс. л.н. найдено свыше 60 раковин ископаемых моллюсков с проткнутыми отверстиями. Представлены они тремя видами: *Theodoxus cf. astrahanicus* Stew., *Bithynia curta* (Garnier) и *Bithynia cf. troscheli* (Paasch.) [Щелинский, 2016, с. 35; рис. 8Б].

В гроте Большой Глухой (р. Чусовая, Пермский край) в окрашенном охрой слое возрастом 10,5 тыс. лет выявлено кострище, вокруг которого залежали многочисленные обломки раковин моллюсков и украшения. Среди них находились две круглые плоские бусины, изготовленные из перламутрового слоя раковин [Павлов, 1996, с. 59]. В раннеолитическом погребении № 6 могильника у с. Съезжее (р. Самара) украшения из морских раковин (бусы, подвески, пронизки) находились в области шеи и груди. Причем на груди они лежали двумя рядами. Около сотни бусин небольшого диаметра были вырезаны из перламутрового слоя раковин. А несколько вырезанных из раковин украшений имели фигурные очертания (рис. 1, 8, 9) [Васильев, Матвеева, 1979, с. 151; рис. 3, 7, 8, 11, 12, 14, 20–23]. Более 200 круглых плоских бусин, вырезанных из раковин беззубки, обнаружены в неолитическом Русско-Шуганском погребении (Татарстан). Диаметр бусин от 0,5 до 1 см, толщина 1–4 мм [Казаков, 1978, с. 175, рис. 7]. 38 подобных бусин, также вырезанных из раковины беззубки, занимали северную половину неолитического погребения в гроте у Каменного Кольца (р. Сим, Челябинская обл.) [Бадер, 1973, с. 106; рис. 2, 1–10]. Набор бусин из 53 раковин наземного моллюска *Dentalium* находился в энеолитическом погребении в Усть-Катавской пещере (р. Юрюзань, Челябинская обл.). Там же залежали и 36 плоских бусин, также вырезанных из раковин предположительно *Pectunculus* [Бибинов, 1950, с. 116; рис. 26, 27]. Видимо, из разрушенного энеолитического погребения происходят три обломка круглых подвесок из раковин, найденных в Бурмантовском гроте (р. Ивдель, Свердловская обл.) [Чаиркин, 2004, с. 30; рис. 22, 4]. Пять подвесок из раковин известны на Кара-Якуповской стоянке эпохи энеолита (Башкортостан). Интересно отметить, что две подвески выполнены из ископаемых раковин [Морозов, 1984, с. 46, 57]. Любопытны подвески из раковин из энеолитического слоя поселения Муллино (Башкортостан). Они похожи на штампы, так как на них вырезаны зубцы. Но поскольку раковины обточены со всех сторон, имеют отверстие, а зубцы очень мелкие, автор раскопок считает их украшениями (рис., 10–12) [Матюшин, 1982а, с. 55; рис. 14, 2, 5]. К тому же подвески с зубчиками, но выполненные из камня и кости хорошо известны в энеолитических погребениях Среднего Зауралья и Западной Сибири (Аятское Правобережное, Усть-Вагильский холм, Шайтанское озеро I, Старые Покачи 5.1, могильник на Большом Андреевском острове, Второй Перейминский могильник, Скворцовская гора V, Бурмантовский грот) [Чаиркина, 2011, с. 111–112]. Оригинальным украшением из раковины является подвеска с I Береговой стоянки Горбуновского торфяника. Она изготовлена в виде сильно вытянутого треугольника со слегка раздутыми боковыми сторонами. Верхняя ее часть заострена и снабжена двумя противолежащими выемками для привязывания. Высота подвески 4,9 см, ширина в средней части 1,6 см (рис., 13). Аналогов данному изделию автору неизвестно [Сериков, 2010, с. 74; рис. 1, 3]. В Кумышанской пещере (р. Чусовая, Пермский край) восемь раковин перловицы обыкновенной использовались в качестве подвесок. У семи раковин отверстия пробиты в верхней части, а у одной (самой маленькой) — посередине, у края створки. Только одна раковина целая, остальные расколоты, причем пять из них по диагонали [Сериков, 2009, с. 151].

Можно добавить, что для украшения национальных костюмов башкир, марийцев, коми, татар, удмуртов и других народов до настоящего времени используются раковины каури.

Кроме украшений раковины очень редко использовались в других целях. Уникальной находкой является раковина морского гребешка, на которой выгравирована голова быка. Найдена она во французской пещере Мас д'Азиль и датируется переходным временем от палеолита к мезолиту [Руссо, 2003, с. 21].

Известны случаи, когда раковины служили емкостями для хранения красителей. На палеолитической стоянке Боршево 2 найдена створка раковины, наполненная ярко-красной краской [Рогачев, Аникович, 1984, с. 228]. В Скворцовском курганном могильнике бронзового века (Оренбургская обл.) в женском погребении находилась раковина каури, заполненная охрой [Моргунова и др., 2010, с. 55]. Выразительный комплекс емкостей из раковин выявлен в могильнике ранних кочевников Яковлевский (Башкортостан). На дне могилы находились две раковины *Gryphaea*. Одна из них была заполнена порошком ярко-красного цвета (растертый гематитом), а вторая — ярко-зеленым (растертый азуритом). Еще две раковины найдены в заполнении могильной ямы. В них также был краситель ярко-оранжевого (растертый реальгар и аурипигмент)

Использование раковин в культовой и хозяйственной практике древнего населения

и ярко-синего (растертый азурит, реальгар и аурипигмент) цветов [Таиров, Бушмакин, 2001, с. 169–170].

Известны случаи утилитарного употребления раковин. Раковины *Unio* с рельефно вырезанными зубцами найдены на неолитических поселениях Давлеканово и Муллино в Башкортостане (рис., 14–16) [Матюшин, 1982b, с. 194–195, 209–210; рис. 38, 2; 48, 2, 3, 5; табл. 117, 1]. По всей видимости, они служили гребенчатыми штампами. В Усть-Койвинском пещерном святилище обнаружена раковина перловицы обыкновенной, на длинном краю которой присутствуют четкие линейные следы скребкового характера. Раковина долгое время служила скребком по коже [Сериков, 2009, с. 164]. Следует также учесть, что в ряде уральских археологических культур толченые раковины добавлялись в керамическое тесто сосудов.

Кроме перламутровых раковин древнее население использовало и раковины окаменевшие. Свидетельств об использовании окаменелостей в древности не так уж и много. Наиболее распространенными находками из числа окаменелостей являются белемниты, губки, кораллы, морские ежи, членики морских лилий и аммониты [Сериков, 2005]. Их применение известно еще с палеолита.

В Европе наиболее ранние находки перфорированных аммонитов выявлены во Франции на стоянке Абри Пато [Монсель и др., 2012, с. 34; рис. 8]. В России находки просверленных окаменевших раковин известны на палеолитических стоянках Сунгирь (р. Клязьма) [Бадер, 1978, с. 165] и Костенки 17 (р. Дон) [Палеолит..., 1982, с. 186]. Большой интерес представляет чашечка из зеленоватого серпентинита, найденная в Каповой пещере. Она изготовлена из окаменелости какого-то моллюска [Щелинский, 2016, с. 36] и по форме напоминает раковину моллюска [Житнев, 2016, с. 88, рис. 8].

В раннеолитическом слое стоянки Подол III/1 (оз. Волге, Тверская обл.) найдены две крупные (до 9 см) ископаемые раковины *Gigantoproductus*. Они залегали в ямке вместе с каменной чашечкой и «карандашиком» из охры. Такие крупные раковины не могли служить украшениями, но судя по контексту их залегания они явно связаны с символической деятельностью [Синицына, Спиридонова, 2014, с. 99]. Примечательно, что в составе одного из ритуальных «кладов» (№ 7) на энеолитической стоянке Володары (Нижегородская обл.) находилось три просверленных окаменевших аммонита (рис. 1, 19, 20, 23) [Цветкова, 1975, с. 103; рис. 5, 9].

В неолитическую эпоху отмечается широкое использование окаменевших аммонитов в качестве штампов для орнаментирования керамических сосудов [Коробков, Крижевская, 1958, с. 54–59]. Орнаменты из окаменелостей (два рода белемнитов и два рода аммонитов) зафиксированы минимум на восьми неолитических памятниках [Калинина, Гаджиева, 1993, с. 83–87].

Серия уникальных находок происходит с поселения Муллино на Южном Урале. К окаменевшим раковинам брахиопод были приклеены парные кусочки перламутра. В результате они превратились в глаза из перламутра, а сами раковины, по мнению Г.Н. Матюшина, могли восприниматься в качестве скульптурных изображений сов (рис., 17, 18, 21) [1982b, с. 211, рис. 51].

Здесь можно напомнить забытое предположение П.П. Ефименко, который допускал, что окаменевшие раковины *Spirifer*, найденные на стоянке Костенки I, из-за своей странной формы могли ассоциироваться у первобытного человека с какими-то мало понятными для нас образами [1958, с. 339–340, рис. 136, 137]. В качестве примера он обращает внимание на одну раковину, которая своими очертаниями напоминает изображение человеческого лица (рис., 22). Приведенный им рисунок вполне соответствует описанию [Там же, рис. 137]. Возможно, данная находка показывает нам направление будущих исследований. В связи с этим интересно отметить, что и другие исследователи подчеркивают, что плеченогие выступы окаменевших раковин представителей отрядов *Productida* и *Spiriferida* напоминают глаза, и из-за этого раковины внешне похожи на голову с глазами и волосами [Синицына, Спиридонова, 2014, с. 99].

Отдельные находки окаменевших раковин известны и на ряде культовых памятников (Капова пещера, святилище в Кумышанской пещере, культовый озерный центр на Шайтанском озере). Думается, подобных находок все же значительно больше. Просто часто они единичны, и исследователи далеко не всегда представляют значение подобных находок и не фиксируют на них внимание в своих публикациях.

Использование перламутровых раковин в качестве украшений вполне соответствует практике древнего человека, при которой он для изготовления предметов символического назначения предпочитал использовать яркое, чем-то выделяющееся, необычное сырье. Это же отно-

сится и к окаменевшим раковинам. Такие единичные предметы могли быть амулетами, культовыми символами, коммуникативными знаками [Демещенко, 2005, с. 8].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бадер О.Н.* Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 104–109.
- Бадер О.Н.* Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бибиков С.Н.* Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. 1950. Т. 13. С. 95–138.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4. С. 147–166.
- Виноградов А.В.* Неолитические украшения из створок раковин *Didacna*: (По материалам раскопок в Северной Туркмении) // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 135–139.
- Демещенко С.А.* Древнейшие подвески и бусы эпохи палеолита // Археол. сборник. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. Вып. 37. С. 7–25.
- Деревянко А.П., Рыбин Е.П.* Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: Гипотезы и факты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 232–255.
- Ефименко П.П.* Костенки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 451 с.
- Житенев В.С.* Многообразие форм символических и хозяйственно-бытовых практик в пространстве пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Древние святилища: Археология, ритуал, мифология: Материалы Международн. науч. симп. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 79–93.
- Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н.* Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: ОмГУ, 1991. С. 13–42.
- Казаков Е.П.* Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. 1978. № 2. С. 165–177.
- Калинина И.В., Гаджиева Е.А.* Архаические орнаменты для керамики // AD POLUS: Памяти Л.П. Хлобыстина: Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 10. С. 83–94.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин, Д.В., Абдулганеев М.Т.* Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры 1 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2. С. 105–114.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х.* Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. 117 с.
- Коробков И.А., Крижевская Л.Я.* Использование первобытным человеком аммонитов и белемнитов для орнаментации керамики // Вестник ЛГУ. Сер. геологических наук. 1958. Вып. 18. С. 54–59.
- Кунгурова Н.Ю.* Могильник Солонцы-5: Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2005. 128 с.
- Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П.* Погребальные комплексы неолита — раннего бронзового века Забайкалья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 248 с.
- Матюшин Г.Н.* Поселение Муллино III в Приуралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1982а. С. 36–64.
- Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала: Лесостепь и степь. М.: Наука, 1982б. 328 с.
- Молодин В.И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми: (Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.
- Монсель М.-Э., Кьотти Л., Гайар К., Оноратини Ж., Плердо Д.* Каменные предметы неутилитарного назначения, найденные на европейских памятниках эпохи палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49). С. 24–40.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салузина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010.
- Морозов Ю.А.* Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-тут, 1984. С. 43–58.
- Окладников А.П.* Изучение древнейших археологических памятников Туркмении // КСИИМК. 1949. Вып. 28. С. 67–71.
- Окладников А.П.* Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск: Наука, 1976. 328 с.
- Павлов П.Ю.* Палеолитические памятники Северо-Востока европейской части России. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. 194 с.
- Павлов П.Ю.* Стоянка Заозерье — памятник начальной поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы // РА. 2009. № 1. С. 5–17.
- Палеолит* Костенковско-Борщевского района на Дону, 1879–1979: Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука, 1982. 288 с.
- Рогачев А.Н.* Палеолитическое поселение Костенки IV // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 36–41.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 162–271. (Археология СССР).

Использование раковин в культовой и хозяйственной практике древнего населения

- Руссо А. Глоссарий палеолитического искусства. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. 80 с.
- Сериков Ю.Б. Использование древним человеком окаменелостей и костей вымерших животных // Эволюция жизни на Земле: Материалы междунар. симп. Томск: ТГУ, 2005. С. 381–383.
- Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2009. 368 с.
- Сериков Ю.Б. Неординарные и малоизвестные находки с памятников Горбуновского торфяника // Древности Горбуновского торфяника: Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. Вып. 6. С. 67–75.
- Синицына Г.В., Спиридонова Е.А. О природной среде и адаптации стоянок мезолита — неолита на верхневолжских озерах и системы озера Селигер // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. СПб.: Изд-во ИИМК, 2014. С. 97–100.
- Таиров А.Д., Бушмакин А.Ф. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана // Уфим. археол. вестник. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 168–175.
- Цветкова И.К. Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975. С. 102–111.
- Чауркин С.Е. Пещеры Урала: Общий обзор // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 24–37.
- Чауркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.
- Щелинский В.Е. Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш/Каповой (Башкортостан): Настенные рисунки и археологические свидетельства // Древние святилища: Археология, ритуал, мифология: Материалы Междунар. науч. симп. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 4–40.
- Ясаков В.С. Предметы из раковин Turbinidae в могильниках Прикамья первых веков н.э. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 8: XLVIII Урало-Поволж. археол. конф. студентов и молодых ученых (УПАСК). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2016. С. 149–152.

Yu.B. Serikov

Russian State Vocational Pedagogical University
(Nizhniy Tagil branch)

Krasnogvardeyskaya st., 57, Nizhniy Tagil, 622031, Russian Federation
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

USING SHELLS IN THE CULT AND ECONOMIC ACTIVITIES OF ANCIENT POPULATION

The article is dedicated to one of the aspects of symbolic activities of ancient population regarding the use of a rare variety of natural material. From ancient times, shells, as bright and unusual material, served for making jewelry: bead necklaces and pendants. In the Urals, such artefacts had been used from the beginning of the Upper Paleolithic to the Modern Times. The shells rarely served as combs punches, scrapers and containers for paints. Petrified shells were very rare and unusual. That is why they were used in symbolic activities and could serve as amulets, cult symbols and communicative signs.

Key words: shell, petrous shells, jewelry, symbolic activity.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-030-037

REFERENCES

- Bader O.N., 1973. Neolithicheskoe pogrebenie v grote u Kamennogo Kol'tsa na Urale i ego analogi [A Neolithic burial in a cove by Kamennoe Kol'tso in the Urals and its analogues]. *Problemy arkheologii Urala i Sibiri*, Moscow: Nauka, pp. 104–109.
- Bader O.N., 1978. *Sungir': Verkhnepaleoliticheskaya stoyanka* [Sungir, an Upper Paleolithic settlement], Moscow: Nauka, 272 p.
- Bibikov S.N., 1950. Neolithicheskie i eneolithicheskie ostatki kul'tury v peshcherakh luzhnogo Urala [Neolithic and Eneolithic cultural remainders in caves in the Southern Ural]. *Sovetskaya arkheologiya*, no. 13, pp. 95–138.
- Chairkin S.E., 2004. Peshchery Urala: Obshchii obzor [Caves of the Urals: An overview]. *Kul'tovye pamiatniki gorno-lesnogo Urala*, Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 24–37.
- Chairkina N.M., 2011. Pogrebal'nye komplekсы epokhi eneolita i rannego zheleznogo veka Zaural'ia (po materialam pogrebal'no-kul'tovoi ploshchadki Skvortsovskaya gora V) [Funerary complexes of the Neolithic and the Early Bronze Age in the Trans-Urals (based on materials of the funerary-cult ground of Skvortsovskaya Gora V)], Ekaterinburg: UrO RAN, 224 p.
- Demeshchenko S.A., 2005. Drevneishie podveski i busy epokhi paleolita [The most ancient Paleolithic bead necklaces and pendants]. *Arkheologicheskii sbornik*, 37, St. Peterburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, pp. 7–25.
- Derevianko A.P., Rybin E.P., 2005. Drevneishee proiavlenie simvolicheskoi deiatel'nosti paleoliticheskogo cheloveka na Gornom Altae [The most ancient manifestation of symbolic activities of Paleolithic man in the Moun-

- tains of Altai]. *Perekhod ot srednego k pozdnemu paleolitu v Evrazii: gipotezy i fakty*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, pp. 232–255.
- Efimenko P.P., 1958. *Kostenki I* [Kostenky I], Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 451 p.
- Iasakov V.S., 2016. Predmety iz rakovin Turbinidae v mogil'nikakh Prikam'ia pervykh vekov n.e. [Items made of Turbinidae shells in burial grounds of the Kama River basin of the first centuries A.D.]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia*, 8, Ioshkar-Ola: Mar. gos. un-t, pp. 149–152.
- Kalinina I.V., Gadzhieva E.A., 1993. Arkhaicheskie ornamentiry dlia keramiki [Archaic punch tools for ceramics]. *AD POLUS. Pamiati L.P. Khlobystina: Arkheologicheskie izyskaniia*, 10, St. Peterburg, pp. 83–94.
- Kazakov E.P., 1978. Neoliticheskie pogrebeniia v vostochnykh raionakh Tatarii [Neolithic burials of Eastern Tatarstan]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 2, pp. 165–177.
- Kiriushin Iu.F., Kiriushin K.Iu., Shmidt A.V., Kuzmenkin, D.V., Abdulganeev M.T., 2011. Rakoviny molliuskov v pogrebeniakh mogil'nika Tuzovskie Bugry 1 [Mollusk shells in graves of the burial ground of Tusovskie Bugry 1]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 2, pp. 105–114.
- Kiriushin Iu.F., Kungurova N.Iu., Kadikov B.Kh., 2000. Drevneishie mogil'niki severnykh predgorii Altaia [The most ancient burial grounds of the Southern foothills in Altai], Barnaul: Izd-vo AltGU, 117 p.
- Korobkov I.A., Krizhevskaia L.Ia., 1958. Ispol'zovanie pervobytnym chelovekom ammonitov i belemnitov dlia ornamentatsii keramiki [Use of ammonites and belemnites by ancient man for ceramics ornamentation]. *Vestnik Leningradskogo universiteta, Seriya geologicheskikh nauk*, 18, pp. 54–59.
- Kungurova N.Iu., 2005. *Mogil'nik Solontsy-5: Kul'tura pogrebennykh neolita Altaia* [The burial ground of Solontsy-5: Culture of buried men in the Neolithic Altai], Barnaul: Barnaul'skii iuridicheskii institut MVD Rossii, 128 p.
- Lbova L.V., Zhambaltarova E.D., Konev V.P., 2008. *Pogrebal'nye komplekсы neolita — rannego bronzovogo veka Zabaikal'ia* [Funerary complexes of the Neolithic and the Bronze Age in the Baikal region], Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 248 p.
- Matiushin G.N., 1982a. Poselenie Mullino III v Priural'e [The settlement of Mullino III in the Cisurals]. *Volgo-Ural'skaia step' i lesostep' v epokhu rannego metalla*, Kuibyshev: Izd-vo KGPI, pp. 36–64.
- Matiushin G.N., 1982b. Eneolit luzhnogo Urala: Lesostep' i step' [The Eneolithic of the Southern Urals: Forest-steppe and steppe areas], Moscow: Nauka, 328 p.
- Molodin V.I., 2001. Pamiatnik Sopka-2 na reke Omi: (Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla) [Sopka 2 site on the Om River: (Cultural and chronological analysis of the funerary complexes of the Neolithic and the Early Metal Age)], vol. 1, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 128 p.
- Monseil' M.-E., K'otti L., Gaiar K., Onoratini Zh., Plerdo D., 2012. Kamennye predmety neutilitarnogo naznacheniia, naidennye na evropeiskikh pamiatnikakh epokhi paleolita [Stone objects of nonutilitarian purpose from European sites of the Paleolithic Age]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 1 (49), pp. 24–40.
- Morgunova N.L., Gol'eva A.A., Degtiareva A.D., Evgen'ev A.A., Kuptsova L.V., Salugina N.P., Khokhlova O.S., Khokhlov A.A., 2010. *Skvortsovskii kurgannyi mogil'nik* [Skvortsovsky barrow burial ground], Orenburg: Izd-vo OGPU, 160 p.
- Morozov Iu.A., 1984. Kara-Iakupovskaia eneoliticheskaia stoianka [The Eneolithic settlement of Kara-Iakupovskaja]. *Epokha medi iuga Vostochnoi Evropy*, Kuibyshev: Kuibyshevskii gos. ped. in-t, pp. 43–58.
- Okladnikov A.P., 1949. Izuchenie drevneishikh arkheologicheskikh pamiatnikov Turkmenii [Study of the most ancient archeological sites of Turkmenistan]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii i material'noi kul'tury*, 28, pp. 67–71.
- Okladnikov A.P., 1976. Neoliticheskie pamiatniki Nizhnei Angary [Neolithic sites of the Lower Angara River basin], Novosibirsk: Nauka, 328 p.
- Pavlov P.Iu., 1996. *Paleoliticheskie pamiatniki Severo-Vostoka evropeiskoi chasti Rossii* [Paleolithic sites of the North-East of the European part of Russia], Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN, 194 p.
- Pavlov P.Iu., 2009. Stoianka Zaozer'e — pamiatnik nachal'noi pory verkhnego paleolita na severo-vostoke Evropy [The site of Saoserie, a settlement of the Upper Paleolithic in the North-West of Europe]. *Rossiyskaia arkheologiya*, no. 1, pp. 5–17.
- Praslov N.D., Rogachev A.N., 1982, (ed.). *Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona na Donu, 1879–1979: Nekotorye itogi polevykh issledovaniy* [The Paleolithic Age in Kostenkovsko-Borshchevsky region on the Don River, 1879–1979: Some results of field researches], Leningrad: Nauka, 288 p.
- Rogachev A.N., 1940. Paleoliticheskoe poselenie Kostenki IV [The Paleolithic settlement of Kostenky IV]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii i material'noi kul'tury*, 4, p. 36–41.
- Rogachev A.N., Anikovich M.V., 1984. Pozdnii paleolit Russkoi ravniny i Kryma [The Late Paleolithic Age of the Russian Plain and of Crimea]. *Arkheologiya SSSR. Paleolit SSSR*, Moscow: Nauka, pp. 162–271.
- Russo A., 2003. *Glossarii paleoliticheskogo iskusstva* [A glossary of Paleolithic art], Kemerovo: Kuzbass-vuzizdat, 80 p.
- Serikov Iu.B., 2005. Ispol'zovanie drevnim chelovekom okamenelostei i kostei vymershih zivotnykh [Use of fossils and bones of extinct animals by ancient man]. *Evoliutsiia zhizni na Zemle: Mterialy mezhdunarodnogo simpoziuma*, Tomsk: TGU, pp. 381–383.
- Serikov Iu.B., 2009. *Peshchernye sviatilishcha reki Chusovoi* [Cave sanctuaries of the Chusovaya River], Nizhnii Tagil: NTGSPA, 368 p.

Использование раковин в культовой и хозяйственной практике древнего населения

Serikov Iu.B., 2010. Neordinarnye i maloizvestnye nakhodki s pamiatnikov Gorbunovskogo torfianika [Unusual and little-known findings from sites of the Gorbunovsky peat-bog]. *Drevnosti Gorbunovskogo torfianika. Okhrannye arkhologicheskie issledovaniia na Srednem Urale*, 6, Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, pp. 67–75.

Shchelinskii V.E., 2016. Paleoliticheskoe sviatilishche v peshchere Shul'gan-Tash/Kapovoi (Bashkortostan): Nastennye risunki i arkhologicheskie svide-tel'stva [A Paleolithic sanctuary in Shulgan-Tash/Kapova cave (Bashkortostan): Cave art and archeological evidence]. *Drevnie sviatilishcha: Arkheologiya, ritual, mifologiya: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma*, Ufa: IIIaL UNTs RAN, pp. 4–40.

Sinitsyna G.V., Spiridonova E.A., 2014. O prirodnoi srede i adaptatsii stoianok mezolita — neolita na verkhnevolzhskikh ozerakh i sistemy ozera Seliger [On natural environment and adaptation of Mesolithic — Neolithic sites at the Upper Volga lakes and in the Seliger Lake system]. *Prirodnaia sreda i modeli adaptatsii ozernykh poselenii v mezolite i neolite lesnoi zony Vostochnoi Evropy*, St. Peterburg: Izd-vo IIMK, pp. 97–100.

Tairov A.D., Bushmakina A.F., 2001. Mineral'nye poroshki iz kurganov luzhnogo Urala i Severnogo Kazakhstana [Mineral powders from the barrows of the Southern Urals and Northern Kazakhstan]. *Ufimskii arkhologicheskii vestnik*, 3, Ufa, pp. 168–175.

Tsvetkova I.K., 1975. Ritual'nye «klady» stoianki Volodary [Ritual hoards of the site of Volodary]. *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii*, Moscow: Nauka, pp. 102–111.

Vasil'ev I.B., Matveeva G.I., 1979. Mogil'nik u s. S"ezzhee na r. Samare [A burial ground near the village of Sjezhee by the Samara River]. *Sovetskaia arkhologiya*, no. 4, pp. 147–166.

Vinogradov A.V., 1955. Neoliticheskie ukrasheniia iz stvorok rakovin Didacna (po materialam raskopok v Severnoi Turkmenii) [Neolithic decorations made of Didacna shell (by materials from excavation sites in Northern Turkmenistan)]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii i material'noi kul'tury*, 59, pp. 135–139.

Zakh V.A., Zotova S.V., Panfilov A.N., 1991. Drevnie mogil'niki na Andreevskom ozere bliz Tiumeni [Ancient burial grounds by the Andreevskoe Lake near Tyumen]. *Drevnie pogrebeniia Ob'-Irtys'ia*, Omsk: OmGU, pp. 13–42.

Zhitenev V.S., 2016. Mnogoobrazie form simvolicheskikh i khoziaistvenno-bytovykh praktik v prostranstve peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoi) [A variety of forms of symbolic and domestic practices in the space of Shulgan-Tash (Kapova) cave]. *Drevnie sviatilishcha: Arkheologiya, ritual, mifologiya: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma*, Ufa: IIIaL UNTs RAN, pp. 79–93.